

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Пестов Михаил Михайлович

Наёмный работник как субъект древнеримского права

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Полдников Дмитрий Юрьевич
доктор юридических наук, кандидат
исторических наук, доцент

Москва - 2024

Диссертация выполнена в департаменте теории права и сравнительного правоведения факультета права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

С текстом диссертации можно ознакомиться на сайте НИУ ВШЭ:

<https://www.hse.ru/sci/diss/>

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Трудовое право в сравнении со многими другими отраслями представляет собой достаточно новое явление. Его возникновение принято относить не ранее, чем к XIX столетию, к периоду бурного индустриального развития европейских городов с постепенной актуализацией вопроса о правах рабочего класса. Разумеется, это не означает, что сам феномен найма труда возник исключительно в это время. История Древнего Рима уже в ранние эпохи демонстрирует нам довольно развитый способ организации труда, при котором задействовались производительные силы не самого собственника, но других людей. Однако достаточно длительное время в литературе господствовало представление, будто основной движущей силой античной экономики было рабовладение¹. Дело в том, что рабы задействовались во многих секторах производства, выполняя при этом не только физический, но и интеллектуальный труд. В связи с этим многие ученые были убеждены, что первичным объектом найма труда являлись сами рабы².

Такое представление было обязано марксистской теории общественно-экономических формаций и впоследствии было последовательно опровергнуто как несостоятельное³. Исследования древнеримской экономики, произведенные в середине XX века, показывают, что рабовладение не являлось исключительной формой организации производства. Учеными были последовательно оспорены основные тезисы, на которых основывалась данная точка зрения. На основе анализа ряда источников было показано, что территориальная экспансия Римской Империи далеко не всегда предполагала обращение завоеванного населения в рабов. Среднее количество рабов, поступавших в результате завоеваний вплоть до периода

¹ Подробнее об историографии этого вопроса см.: *Finley M.I. Ancient Slavery and Modern Ideology*. New York: The Viking Press, 1980. P. 11 – 67.

² См. напр.: *Burckhardt Chr. Zur Geschichte der locatio conductio*. Öffentliche Habilitationsvorlesung. Basel, 1889. S. 27.

³ Данная точка зрения была развита в теории Макса Вебера об обширном количестве дешевой подневольной силы в результате успешных завоеваний чужой территории (см.: *Вебер М. Аграрная история Древнего Мира*. М.: «КАНОНпресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С. 122) Убедительную критику данного взгляда в контексте схожих точек зрения, опрометчиво адаптировавших современную экономическую теорию к античному хозяйству см. напр.: *Finley M.I. Op. cit.* P. 41 – 44.

максимального расширения территории Римской империи, не могло составлять пяти тысяч в год. При этом более чем половина из них отправлялась на общественные работы, главным образом на рудники, где средняя продолжительность жизни рабочего в целом была не очень высокой, а естественное воспроизводство было крайне затруднено. Кроме того, вилла как усредненная единица древнеримского хозяйства не могла содержать достаточное количество рабов для обработки приписываемых ей земель, а огромные латифундии представляли собой довольно редкое явление, так как большинство крупных собственников предпочитало иметь множество мелких имений. Наконец, ряд эпиграфических и иных источников демонстрируют активное участие в ремесленном производстве вольноотпущенников и свободнорожденных граждан⁴.

Тем не менее, подобный взгляд приобрел устойчивую почву в работах юристов. С наличием большого количества подневольной силы связывали неразвитость отдельных правовых институтов. Так, например, Рясенцев В.А. ещё в середине двадцатого века полагал, что наличие раба в хозяйстве римского домовладыки делало ненужным институт представительства⁵. С той же позиции смотрят и на найм чужого труда. Если такая потребность и была, - говорят представители такой точки зрения, - то она во многом обслуживалась благодаря использованию труда чужого раба, опосредованного наймом вещей⁶.

В противовес данной точки зрения можно представить ряд институтов, берущих своё начало ещё из древнего права. Один из них мы можем наблюдать в Законах XII таблиц, заключающийся в освобождении сына из-под власти отца при его троекратной продаже⁷. Существует мнение, что данное правило стремится ограничить главу семьи в практике продажи сына для его использования в

⁴ Подробнее об этом см.: *Штаерман Е.М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М.: «Наука», 1964. С. 5 – 35.

⁵ *Рясенцев В.А.* Представительство в советском гражданском праве. Т. I.: дисс. ... д.ю.н. Москва, 1948. С. 15.

⁶ См. напр.: *Jörs P., Kunkel W., Wenger L.* Römisches Privatrecht auf Grund des Werkes von Paul Jörs. 2. neu bearb. Aufl. Berlin: Springer, 1949. S. 238.

⁷ Gai. 1.132: ...lex enim XII tabularum tantum in persona filii de tribus mancipationibus loquitur his verbis: "si pater ter filium venum duit, a patre filius liber esto"... [...ведь закон XII таблиц говорит лишь о троекратной манципации в отношении фигуры сына подобными словами «если отец три раза продаст сына, да будет сын свободен от отца»...].

хозяйстве чужого лица⁸. Факт его последующего возвращения под власть отца посредством манумиссии указывает на то, что соглашением между сторонами предполагалась временность использования подвластного лица⁹.

Не менее древней является и практика отпущения раба на волю для участия последнего в обороте в качестве самостоятельного субъекта. Данная практика получила широкое распространение ближе к концу Республики и началу Римской империи. Однако уже Законы XII таблиц содержали положения, регулирующие отношения между освобожденным и его бывшим господином в отношении права последнего на определенную часть наследства отпущенника (Gai. 3.40). Представляется, что оба указанных обстоятельства не позволяют говорить, что древнеримское хозяйство являлось всецело рабовладельческим.

Таким образом, современный взгляд на процесс организации труда в Древнем Риме сводится к сочетанию подневольной и свободной рабочей силы. Тем не менее, ученые обладают весьма незначительными сведениями о правовом положении свободного наёмного работника. По всей видимости, приходится согласиться с теми, кто утверждает, что в большинстве случаев наёмные работники, бедные и малограмотные люди, не имели возможности обратиться к римским юристам, а потому значительной практики разрешения их проблем просто не было выработано¹⁰.

Думается, что данное обстоятельство препятствует более глубокому пониманию цивилистических основ современного трудового законодательства. Это влечет ряд трудностей, одной из которых является проведение различия между наёмным работником и лицом, выполняющим работу или оказывающим услугу на основе гражданско-правового соглашения. Фактически они могут заниматься

⁸ См.: Гуляев А.М. Наём услуг. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1893. С. 20 – 22.

⁹ К такому же выводу приходит Ревен Ярон, опровергая мнение Леви-Брюля о совершении троекратной продажи мгновенно, посредством одного акта (см.: Yaron R. Si pater filium ter venum duit // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. Vol. 36 (1968). P. 70 – 71). Впрочем, автор настаивает, что в данном случае нельзя вести речь о найме, так как манципация включала переход под власть манципирующего лица (Ibid. P. 71). Я не уверен, что гипотеза использования продажи с условием о последующей манумиссии в том числе для найма труда совершенно невозможна для архаического периода. В неюридических источниках даже поздней Республики мы можем встретить выражение «покупать работы» (см.: Cic. De off. I.42.150). Вполне допустимо предположить, что такое словоупотребление вошло в оборот благодаря древней юридической практике.

¹⁰ См. напр.: Brunt P.A. Free Labour and Public Works at Rome // The Journal of Roman Studies. Vol. 70 (1980). P. 84

одной и той же деятельностью, но у первого есть правовые гарантии, которых нет у вторых. Данная проблема обусловлена сочетанием публичного и частного регулирования в трудовом праве, которое искусственно: субъект частного права отличается от субъекта трудового права автономностью и независимостью.

В связи с этим в доктрине трудового права используется критерий подчиненности при разделении всех работников на подчиненных и независимых. Тем не менее, в литературе данное деление подвергается критике. Считается, что зачастую речь идет не о юридической, а об экономической независимости, поскольку первый тип зависимости обусловлен конкретными договорными условиями, которые определяют между собой стороны¹¹. Под такими условиями принято понимать порядок выполнения работы. Если такой порядок определяет преимущественно работодатель, то имеет место подчиненность его указаниями (*Weisungsunterworfenheit*)¹². При этом нередко подчиненность прослеживается и в гражданско-правовых соглашениях, когда лицо выполняет работу в строгом соответствии с заданием заказчика. С другой стороны, она может отсутствовать в отношениях с теми работниками, которые как раз и призваны давать указания другим работникам. В связи с этим встречаются предложения и вовсе отказаться от поиска подчинительной связи между контрагентами, оценивая во всяком правоотношении отдельно взятые элементы как экономического, так и юридического характера¹³.

Примечательно, что данный критерий имеет универсальный характер и не зависит от того, как оформляются трудовые отношения: особым трудовым договором (Франция, Италия) или обычным договором об оказании услуг (Германия). Это позволяет поставить вопрос в историко-сравнительной перспективе: характерно ли выделение наёмного работника как особого субъекта на основе подчинительной связи для частного права? Или же данный критерий навеян более поздними идеями, ставшими результатом рефлексии над положением наёмных рабочих в XIX столетии? Такая постановка вопроса актуализирует

¹¹ Подробнее см.: *Barthélémy J., Cette G. Réformer le droit travail*. Paris: Odile Jacob, 2017. P. 8 – 9.

¹² См.: *Salkowski K. Arbeitsrecht*. 2. Aufl. Berlin-Heidelberg: Springer Verlag, 2020. S. 37 – 38.

¹³ См.: *Perulli A. Il diritto del lavoro e il “problema” della subordinazione* // *Labour & Law Issues*. vol. 6 n. 2 (2020). P. 129

обращение к римскому праву, в котором мы наблюдаем первые попытки урегулировать отношения по найму труда на основе цивилистических конструкций.

Степень разработанности темы исследования. Довольно длительное время правовое положение наёмного работника не являлось предметом изучения романистов. По всей видимости, причина заключается в отправной точке исследования. Чтобы понять особенности правового положения наёмного работника, стоит выяснить, в каких отношениях он состоял с нанимателем. Больше всего информации об этом может предоставить контракт *locatio-conductio*, обслуживавший интересы как в найме вещей (*locatio rei*), так и работ (*locatio operis, locatio operarum*)¹⁴.

Однако здесь мы сталкиваемся с проблемой разделения данных подвидов, ибо римские юристы подобного деления не проводили¹⁵. Это не помешало немецким историкам-правоведам XIX столетия, придерживаясь данного деления, отыскивать предпосылки найма работ. Так, по мнению Теодора Моммзена предоставление работ берёт свое начало в публично-правовых соглашениях между служащим и государством. В архаический период такой тип соглашения обслуживал отношения между ликторами и непосредственно царями. Чуть позднее, при развитии бюрократического аппарата и появлении различных магистратур, *operas locare* осуществляли уже отдельные должностные лица¹⁶. В пример ученый приводит магистрата и аппаратора, должностного служащего, помогавшему магистрату. По его мнению, именно от аппаратора зависело, предоставить ли магистрату рабочую

¹⁴ См. напр.: *Дождев Д.В.* Римское частное право. Учебник для вузов. М: «Норма», 1997. С. 528.

¹⁵ См. например: *Torrent A.* The Controversy on the Trichotomy “Res, Operae, Opus” and the Origin of the “Locatio-Conductio” // *Revista Internacional de Derecho Romano.* № 9 (2012). P. 379 – 380. Ср.: *Schulz F.* Classical Roman Law. Oxford, 1951. P. 542 – 543, 544: «the trichotomy is not found in the Roman sources and was not even implicitly recognised by the classical lawyers <...> It is a product of continental legal scholasticism and leads to unnecessary difficulties». Выделение из цельного контракта отдельных разновидностей было осуществлено лишь в Новое время, а наиболее системное представление о трех совершенно разных договорах было представлено в теоретических разработках Генриха Дернбурга (см.: *Dernburg H.* System des römischen Rechts: Pandekten. Bd. II. 4. Aufl. Berlin, 1894. S. 298.)

¹⁶ *Mommsen T.* Die römischen Anfänge von Kauf und Miethе // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung.* Bd. 6 (1885). S. 260 – 262.

силу. Вследствие этого кондуктором в данном случае, в отличие от *locatio rei* и *locatio operis*, выступала именно община¹⁷.

Несколько иного взгляда придерживался Буркхардт. Не отрицая участия общины в *locatio operarum*, ученый исходил из того, что местом заключения такого соглашения в каждом случае являлся форум, где свои работы предлагали как свободные, так и рабы. Буркхардт опирается на этимологический анализ слова *conducere*, означавшее в его понимании момент уведения с собой (*con-ducere*). В его представлении, древнее *locatio operarum* было порождением скорее частного оборота, поскольку в нём циркулировали движимые вещи, в отличие от предоставления земельных участков, находившихся в собственности общины¹⁸.

В то же время итальянские романисты пошли по пути отыскания общего элемента во всякой разновидности найма. Так, например, Аранджо-Руиз полагал, что для каждого случая нарушения договорных отношений предоставлялись общий иск *actio locati* и общий иск *actio conducti*. При этом он настаивал, что предметом предоставления во всяком случае служила *res*, так как и в *locatio operarum* предметом предоставления являлись физические усилия раба, считавшегося объектом гражданских правоотношений¹⁹.

Последующее поколение романистов, признавая унитарность *locatio-conductio*, исходили не из единства *res*, но из единства совершаемых над ней действий. Так, для Пино Парпалья вещь в *locatio operarum* отсутствовала. По мнению романиста, речь шла о предоставлении возможности использования. В этом смысле при найме рабочей силы для обработки земельного участка

¹⁷ *Ibid.* S. 264, 266. Публично-правовое происхождение *locatio operis* было высказано ещё прежде Дегенкольбом. Полагая, что последнее производно от *locatio operarum*, юрист объяснял различное положение публичного органа (в одном случае локатор, а в другом – кондуктор) смешением используемых терминов древними юристами, ссылаясь при это на Гая (D.19.1.19-20.: veteres in emptione venditioneque appellationibus promiscue utebantur. Idem est et in locatione et conductione [древние беспорядочно употребляли термины [как например] *emptio* и *venditio*. То же самое касается *locatio* и *conductio*]). При этом он настаивал на том, что во всяком типе *locatio* инициатива принадлежала именно локатору (см.: Degenkolb H. Platzrecht und Miete. Beiträge zu ihrer Geschichte. 1865. S. 24 – 25, 132). Аналогичное мнение прежде выражал Куяций (см.: Cujacius J. Tolosatis Opera ad Parisiensem Fabrotianam Editionem Diligentissime Exacta. In Tomos XIII Distributa Auctiora Atque Emendatiora. Continuatio Partis Tertia. Tomus Quintus. 1838. P. 842: «locator est qui init, inchoat contractum <...> conductor autem est qui subsequitur et locatoris condicionem accipit gratamve et ratam habet [локатор – это тот, кто начинает, формирует [условия] договора <...> кондуктор же тот, кто следует [им] и принимает предложение локатора, считая его заключенным и действительным])

¹⁸ Burckhardt Chr. Op. cit. S. 28.

¹⁹ Arangio-Ruiz V. Istituzioni di diritto romano, 14 ed. Napoli 1960. P. 345 ss.

предоставлялся, естественно, не сам земельный участок, но возможность его обработки. Также и Рожер Винерон ставит во главу унитарной концепции действие, делая, однако, акцент не на его юридическом содержании, а на распоряжающемся лице: домовладыке, распоряжавшимся не только семейным имуществом, но и домочадцами для выполнения последними работ другим лицам²⁰.

Подобный взгляд на *locatio-conductio* ставит под сомнение существование в римском праве особого договора о найме труда, но не исключает вопрос о правовом положении наёмного работника. В изложенных взглядах мы можем различить наиболее слабое место в унитарной концепции *locatio-conductio*: каким образом предоставление работ, которое для современного юриста представляет обязательство что-либо сделать (*facere*) могло быть приравнено к обязательству что-либо дать (*dare*)? Здесь ощущается некоторая условность, характеризующая движение мысли римских юристов. Выражения *locare* и *conducere* указывают на физическую связь с объектом соглашения при его размещении (*locare*) и уводе с собой (*conducere*). Разве можно обнаружить эту физическую связь при выполнении работ, если понимать последние как приложение усилий работника?

Данный вопрос наиболее ясно впервые сформулировал Франческо Де Робертис. Ученый выдвинул тезис о поступательном развитии объекта *locatio operarum*, который берет начало в практике предоставления раба в качестве объекта соглашения. По мнению ученого, такая модель соглашения в полной мере соответствовала аренде вещей, а потому долгое время оставалась на вооружении юристов, которые даже в поздний классический период римского права использовали выражение *se locare*. Это препятствовало проникновению идеи о работе как обязательстве *facere* в систему трудовых отношений. Исполнение обязательства работником в классический период римского права заключалось в передаче (*dare*) самого себя, и лишь позднее из этого выделяется в качестве

²⁰ К сожалению, у меня нет на руках работ ни того, ни другого автора, в связи с чем я не могу указать на источники, послужившие опорой их суждениям. Цит. взгляды ученых по: *Fiori R. La definizione della locatio conductio. Giurisprudenza romana e tradizione romanistica. Napoli, 1999. P. 4 – 5.*

отдельного объекта *opera*²¹. В то же время Франческо Де Робертис полагает, что главной причиной возникновения подчинительной связи между работником и работодателем являлось вхождение первым в дом последнего. В результате этого работник встраивался в особую систему семейных связей, приобретая место подобное месту рабов (*loco servorum*). Ученый объясняет это тем, что работник работал подневно, часто оставаясь в жилище своего нанимателя, поскольку не имел возможности самостоятельно определять продолжительность работы и её объем²².

Такой подход, однако, вызывает два закономерных вопроса. Во-первых, каким же образом свободный работник, будучи объектом соглашения, мог одновременно выступать в качестве субъекта? Во-вторых, возможно ли говорить о подчинительной связи в тех случаях, когда работник фактически не пребывал в доме своего нанимателя, но трудился в другом месте, а то и вовсе нанимался на выполнение работ по государственному заказу? Отталкиваясь от этих вопросов, Ремо Мартини выдвинул свою собственную гипотезу. По его мнению, наёмный работник с самого начала выступал в качестве объекта и субъекта соглашения. Ученый ищет подтверждения своей позиции в отношениях между либертом и патроном, которому по Закону Аэлия Сентия было запрещено извлекать деньги из работ своего отпущенника. По мнению Мартини, данный запрет был связан с интенцией законодателя ограничить злоупотребления со стороны бывших собственников, которые продолжали использовать либертов в качестве своих рабов. Как полагает ученый, запрет на сдачу в наем работ своего отпущенника был связан как раз с тем, что сдавались не работы, а сам отпущенник²³.

Но как в фигуре наёмного работника мог уместиться объект и субъект соглашения? Мартини полагает, что в действительности на практике имели место сразу два соглашения: наряду с договором *locatio-conductio* стороны также заключали особую стипуляцию (*stipulatio operarum*), в силу которой работник обязывался к предоставлению не себя, но своих работ²⁴. При этом ученый

²¹ См.: *De Robertis F.M. I rapporti del lavoro nel diritto romano*. Milano: Giuffrè, 1946. P. 128 – 130.

²² См.: *Ibid.* P. 130 – 133.

²³ Подробнее см.: *Martini R. «Mercennarius»: contributo allo studio dei rapporti di lavoro in diritto romano*. Milano: Giuffrè, 1958. P. 30 – 35.

²⁴ См.

возражает против мнения Де Робертиса, полагая, что о подчинительной власти нанимателя-домовладыки в отношении работника говорить не приходится. Анализируя источники, рассмотренные ранее Де Робертисом, он приходит к выводу, что в них не содержится подтверждения того, что работник входил в систему семейных связей²⁵.

Позиция Ремо Мартини получила весьма широкое распространение в литературе. Её новизна заключалась в отходе от прежнего взгляда на обязательство работника как обязательство *dare*. Ученый разглядел в работнике не только объект, но и субъект соглашения. Однако его точка зрения встретила и серьезные возражения. В конечном счете, она не разрешает вопроса о том, каким образом структура соглашения *locatio operarum* могла остаться без субъекта как ключевого элемента. Кроме того, из источников весьма трудно проследить широкое распространение в древнеримской практике особой *stipulatio operarum*. Жан Макрон и вовсе сомневается в её существовании, ибо чем более идентифицированной была работа, тем менее она походила на отношения с неквалифицированным рабочим, действовавшим на основе *locatio operarum*. Скорее, речь должна была идти о взаимоотношениях со специализированным работником, бравшимся за конкретные задания (*locatio operis*). Но в таком случае в заключении стипуляции не было никакой необходимости²⁶.

Дальнейшие исследования в этой области уточняют идеи, высказанные Франческо Де Робертисом и Ремо Мартини. Стоит признать, что правовое положение наёмного работника проанализировано учеными главным образом на основе юридических источников классического периода. В то же время в более поздних исследованиях наёмный работник рассматривается в контексте всей истории древнеримской культуры. Например, Хорнст Кауфманн с опорой на комедии Плавта и Цецилия Стация доказывает, что не оказание услуг было производно от аренды вещей, но последняя была производна от первого. Их семантическая близость является ничем иным как следствием неразвитого

²⁵ См.: Ibid. P. 46 – 47, P. 63 ssq.

²⁶ См.: Macqueron J. Réflexions sur la locatio operarum et le mercennarius // Revue historique de droit français et étranger. Vol. 36 (1959). P. 614.

мировосприятия, ориентирующегося на «неотрефлектированные, осязательно-зримые формы проявления»²⁷. По его мнению, ученые, видящие в основе найма труда аренду рабов, исходят из гипотезы, будто используемая для рабов терминология была распространена через либертов в том числе на свободных наёмных работников, что является в корне неверным. В действительности, как считает ученый, уже с архаического римского права можно говорить о том, что свободный человек был объектом соглашения о найме²⁸.

При этом Кауфманн не объясняет, каким образом в наёмном работнике совмещался субъект и объект соглашения о найме. Он лишь отмечает, что латинский язык в приспособлении к изменяющимся хозяйственным условиям отделил работу (*opera*) от исполняющего её работника, признаваясь, однако, что определить точный временной период, когда это произошло, довольно трудно²⁹. Несмотря на это, ученый весьма убедительно показывает, что вне юридических источников данное понятие встречается уже достаточно рано. Данное замечание очень важно, так как оно показывает, что один лишь анализ употребления латинских терминов, обозначающих выполняемую работу, не достаточен для демонстрации качественных изменений в отношениях по найму труда³⁰.

Последующие авторы, занимавшиеся вопросом о найме труда в Древнем Риме, в основном отталкивались от уже изученных ранее источников, демонстрируя место наёмного работника в экономической жизни и социальной структуре древнеримского общества³¹. В то же время самостоятельного исследования правового положения наёмного работника не проводилось. Ввиду этого, насколько я могу судить по известным мне работам, в них по-прежнему не осуществлена попытка сделать окончательный шаг и перейти к изучению наёмного работника как

²⁷ Kaufmann H. Die altrömische Miete, ihre Zusammenhänge mit Gesellschaft, Wirtschaft und staatlicher Vermögensverwaltung. Köln-Graz: Böhlau-Verlag, 1964. S. 181.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. S. 182 – 183.

³⁰ В этой связи представляется чересчур упрощенным взгляд Окко Беррендса, полагающего, будто отделение работы от наёмного работника стало следствием систематизации римской юриспруденции, произошедшей в классический период римского права. (см.: Behrends O. Die Arbeit im römischen Recht. Zur Frage ihrer rechtlichen Einordnung und moralischen Bewertung // Le travail: recherches historiques. Table ronde de Besançon, 14 et 15 novembre 1997. Besançon : Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 1999. S. 118 ff.).

³¹ См. напр

особого субъекта древнеримского частного права и в особенности соглашения о найме труда.

Цель и задачи исследования. Таким образом, целью диссертационного исследования является комплексная реконструкция правового положения наёмного работника как субъекта древнеримского частного права. Для достижения обозначенной цели планируется решить следующие задачи:

1. Выявить взаимосвязь наёмного работника с древнеримским правом лиц. Данная задача подразумевает определение основных терминов, использовавшихся для описания правового положения лица, и установление их родовидового отношения с понятием, обозначающим наёмного работника.

2. Определить общественное положение наёмного работника с учетом экономической роли и этической оценки возмездного труда. Поставленная задача предполагает установление экономических и социальных факторов, которые могли бы повлиять на суждения древнеримских юристов о правовом положении наёмного работника

3. Дать характеристику правового положения наёмного работника с учетом его социально-экономической роли в исторической перспективе. Данная задача связана с установлением прав и обязанностей, характеризующие отношения нанимателя и наёмного работника между собой и третьими лицами.

Учитывая это, **объектом исследования** является правовое положение наёмного работника как субъекта древнеримского частного права. Однако **предметом исследования** выступают его взаимосвязь с древнеримским правом лиц, социально-экономические факторы, предопределившие особенности юридического статуса наёмного работника, а также его содержание.

Методология и методы исследования. Методология всякого историко-юридического исследования отвечает на вопрос «как?» двояко. С одной стороны, речь идет о конкретных инструментах познания, используемых для достижения поставленной цели. С другой стороны, мы можем говорить о тех описательных конструкциях, в рамках которых раскрывается исторический материал. Последние могут быть заимствованы из современного исследователю категориального

аппарата. С этим связан известный риск свести историческое исследование к набору анахронизмов. В самом деле, можем ли мы говорить, что такая категория, как «субъект права» может быть применена для достоверного описания правового положения наёмного работника? Не привнесем ли мы в него смысловой элемент, характерный для более поздней исторической эпохи?

По всей видимости, именно таким было направление немецкой юридической мысли в XIX веке. В этот период возникает представление о том, что весь исторический период развития римского общества знаменует собой последовательный переход от родового коллективизма к патриархальному индивидуализму. Римское право в этом процессе выступает надежной защитой интересов главы семьи, закрепляя его автономность и независимость по отношению ко всему обществу и отдельным его представителям. Отсюда происходит и идея о том, что все римское право в своем изначальном виде было правом частных лиц³².

Тем не менее, примерно в это же время подобный взгляд начинает подвергаться последовательной критике. Одним из первых, кто обратил внимание на ограничение индивидуализма римским правом, был Иеринг, высказавший сомнение, что социальные связи в римском обществе могут быть адекватно описаны сквозь призму категории правоотношения³³. В подтверждение своей мысли романист указывал на пределы юридических возможностей главы семьи, наблюдаемые уже в архаический период римского права, как освобождение сына из-под отеческой власти в случае его троекратной продажи или назначение опеки для психически нездоровых и расточителей семейного имущества. Тем самым, полагает Иеринг, обеспечиваются интересы не только членов семьи, но и всего общества, заинтересованного в соблюдении интересов каждого³⁴.

Дискуссия о месте индивида и его юридическом положении в Древнем Риме вспыхнула с новой силой в середине двадцатого столетия. Так, например, если

³² См.: *Arnold W. Cultur und Recht der Römer*. Berlin: F. Dümmler, 1868. S. 48 – 49

³³ См.: *Von Jhering R. Geist des römischen Recht auf verschiedenen Stufen seiner Entwicklung*. Т. II. Erste Abt. Dritte verbess. Aufl. Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf & Härtel, 1874. S. 139 – 141.

³⁴ *Von Jhering R. Der Zweck im Recht*. Erster Band. Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf & Härtel, 1877. S. 504 – 505.

Фритц Шульц видел в независимости магистратов и членов комиций гарантию невмешательства государства в интересы частных лиц³⁵, то Франческо Де Мартино на примере общественной земли (*ager publicus*) и других институтов подчеркивал ограничения частной воли со стороны римского общества³⁶.

Таким образом, трудность, с которой столкнулись романисты XIX-XX столетий при исследовании положения индивида в римском праве, заключается во внешних обстоятельствах, сопутствовавших данному исследованию. На взгляд ученых влияли многочисленные социально-экономические, политические и прочие особенности современного им общества. В конечном счете, это привело к тому, что практически всякое событие в истории римской юриспруденции могло объясняться ими по-разному³⁷.

Данное обстоятельство побуждает с осторожностью использовать современный категориальный аппарат и вовсе отказаться от проведения сравнительных аналогий с современным правом лиц. Данный подход, именуемый аппликативным, получил широкое распространение в немецкой пандектистике, однако имеет, как известно, ограниченную сферу своего действия и не способен учитывать особенностей конкретного исторического правопорядка³⁸. Более всего он оправдан в тех исследованиях, что имеют предметом универсальное для всех правопорядков явление, легче всего поддающееся адаптации к современным

³⁵ См. подробнее: *Schulz F. Principles of Roman Law. Oxford, 1936. P. 173 – 178.* Считается, что на мнение ученого повлияли современные ему нарушения человеческих прав нацистским режимом. См. напр.: *Tuori K. Empire of Law: Nazi Germany, Exile Scholars and the Battle for the Future of Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 46 – 49.* См. однако критику данного взгляда с опорой на биографические сведения о романисте: *Giara T. Victims and Supporters of Nazism vis-à-vis Europe's Legal Tradition. A New Episode in the History of the Third Reich? // Forum Prawnicze. Issue 6 (62). 2020. P. 70 – 72.*

³⁶ См.: *De Martino F. Diritto e società nell'antica Roma. Roma: Editori Riuniti, 1979. P. XVII ss.*

³⁷ Так, например, Фритц Шульц объяснял увеличившуюся практику разводов в конце Римской республики признанием и развитием индивидуалистического взгляда на структуру семьи, которая впредь не могла сдерживать отдельных её представителей в реализации личных прав (см.: *Schulz F. Op. cit. P. 146 – 148*). Однако Павел Деларов, следуя учениям Иеринга, видел причину этого явления в прямо противоположной тенденции. В его представлении признание права на прекращение брака было, прежде всего, связано со стремлением общества расширить права отдельных его представителей. Только так, по его мнению, римское общество могло сохранить свою целостность за счет ограничения индивидуализма глав семей (см.: *Деларов П.В. Очерк истории личности в древнеримском гражданском праве. Историко-юридический опыт. С.-Петербург: Издание книгопродавца Н.Г. Мартынова, 1895. С. 68, 108*).

³⁸ Критический анализ данного подхода см.: *Wieacker F. A History of Private Law in Europe / Translated by Tony Weir. Clarendon Press, 1996. P. 14 – 15.*

теоретическим конструкциям и нормативным предписаниям³⁹. В противовес ему в романистической литературе выдвигается контемплативный метод, ориентированный на реконструкцию древнего права как самобытного исторического явления. Можно сказать, что он более подходит к изучению правового положения наёмного работника в системе древнеримского права лиц.

Стоит, однако, отметить, что данное деление покоится на ложной предпосылки специализации исследователей и имеет мало общего с действительными методами, которые используются историками права⁴⁰. Последовательная приверженность контемплативному методу представляется едва ли возможной, поскольку невозможно всецело отказаться от современного категориального аппарата при описании исторического материала.

В этой связи в настоящем исследовании не используется аналогия при изучении первоисточников. Однако в остальном их познание основано на общепринятых в романистике методах лингвистического, систематического и исторического толкования. Там, где это было возможно, толкование текстов происходило в обозначенной последовательности методов. Их использование позволило объединить внешний контекст источника со сложившейся традицией его толкования

Хронологические рамки исследования. Учитывая выводы, сделанные исследователями античной экономики, можно предположить, что использование чужих усилий в собственном хозяйстве уходит корнями в глубокое прошлое и естественным образом сохраняется на протяжении всей его истории. Тем не менее, настоящее исследование ограничено предклассическим и классическим периодом римского права (II в. до н.э. – III в. н.э.). Выбор временных рамок предопределен несколькими обстоятельствами. Во-первых, во всяком исследовании, посвященном римскому праву, приходится считаться с тем обстоятельством, что в наибольшем количестве до нас дошли источники классического и постклассического римского

³⁹ См. напр. *Новицкая А.А.* Становление учения о контракте в римской юриспруденции. Дисс... к.ю.н. М., 2014. С. 51 – 52.

⁴⁰ См. напр.: *Haferkamp H.-P.* „Wie sollte man als Rechtsdogmatiker in der Geschichte zurückgehen?“ // *Zeitschrift für neue Rechtsgeschichte*. Bd. 30 (2008). S. 273.

права. Последний из двух этапов не представляет для нас исследовательского интереса, поскольку в этот период наёмный работник встроен в систему коллегияльных объединений, основанных на принудительном членстве⁴¹. Его права и обязанности, связанные с осуществлением труда, определяются нормативными актами императоров. Такое положение дел не позволяет проанализировать частноправовой аспект отношений из найма труда.

Что же касается архаического периода римского права, то его содержание реконструируется на основе разрозненных сведений древнеримских историков, грамматиков и антикваров, живших в различные эпохи. Это обстоятельство предполагает навыки работы с данными археологии и эпиграфики на основе лингвистического анализа⁴². Не обладая указанным опытом, я ограничиваюсь в настоящем исследовании ссылками на выводы современных исследователей, занимавшихся наймом труда в этот период.

Во-вторых, именно в предклассический период римского права наёмный работник начинает, а в классический период заканчивает приобретать свое особое положение в праве лиц. Это связано с экономическими и социальными обстоятельствами, затронувшими древнеримское общество при низложении Республики и установлении Принципата. Кроме того, именно в этот период происходит окончательная систематизация древнеримского права, нашедшая отражение в Институциях Гая, где правовому положению лиц отводится специальное место.

Источники исследования можно традиционно классифицировать на юридические и неюридические. К числу первых относятся фрагменты из сочинений римских юристов, составившие основное содержание Дигестов Юстиниана. Наиболее релевантные сведения о наёмном работнике предоставляют рассуждения Ульпиана и Павла. В дополнение к ним приводятся источники, не вошедшими в *Corpus iuris civilis*. Часть из них относятся к авторству уже

⁴¹ Подробнее о предпосылках появления принудительного участия в коллегиях см.: De Robertis F.M. *Storia delle corporazioni e del regime associativo nel mondo romano*. Volume II. Bari: Adriatica editrice, 1973 P. 129 – 136.

⁴² Подробнее о работе с источниками архаического римского права см.: *Кофанов Л.Л. Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII – III вв. до н.э.* М.: Статут, 2006. С. 45 – 46.

упомянутых юристов (*Pauli Sententiae, Collatio legum Mosaicorum et Romanorum*), другую же часть представляют Ватиканские фрагменты, а также Институции Гая. Помимо этого в диссертации приводятся эпиграфические памятники, сообщающие содержание соглашений о найме работников в провинциях Римской империи. Речь идёт о табличках, обнаруженных на рудниках Древней Дакии и Випаски (*tabellae certae Daciae, lex metalli Vipascensis*).

Корпус неюридических источников в большей части составлен из сельскохозяйственных трактатов Марка Порция Катона (*De agri cultura*), Марка Теренция Варрона (*De re rustica*), а также сочинений, писем и записанных речей Цицерона (*De legibus, De oratore, De officiis* и др.), которые сообщают весьма ценные сведения о наёмном труде в период Римской республики. Помимо этого в него также входят фрагменты из словаря Феста, комедий Плавта, эпиграммы Марциала и басни Федра, позволяющие восстановить переход от неюридического к юридическому значению понятия лица, а также установить происхождение других терминов.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на уровне отечественных историко-юридических исследований наёмный работник рассмотрен как субъект римского частного права. При этом особенность его правового положения объяснена за счет определения места в системе древнеримского права, а также установления взаимосвязи между общественным и юридическим статусом наёмного работника.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Традиция античной драматургии и риторики предопределила переход от материального понимания термина лицо (*persona*) как театральной маски (Phaedr., fab. 1.7.1-2, Mart., Epigr. 3.43) к абстрактному выражению, обозначающего объекта, а затем и субъекта повествования. В сочинениях конца Римской республики мы уже встречаем употребление рассматриваемого слова в значении общественной функции, а также правового положения отдельного лица (Cic. De officiis, 1.34; De legibus 2.48-49). Такой переход от материального к умозрительному, абстрактному образу лица придает данному понятию настолько общее значение, что в

сочинениях римских юристов оно охватывает абсолютно все категории лиц, включая свободнорожденных и рабов (Gai. 1.8-9). Особенности правового положения определялись с учетом внешних обстоятельств, которые персонифицировали конкретное лицо. При этом их разнообразие позволяло говорить, что один субъект может иметь несколько лиц, как, например, общий раб имеет лицо раба каждого из сособственников (D.45.3.1.4).

2. Из ряда слов, использовавшихся для обозначения наёмного работника в период Римской республики, термин меркеннарий (*mercennarius*) является наиболее употребимым для обозначения всякого лица, выполняющего что-либо за вознаграждение. При этом из большинства источников довольно трудно установить его правовой статус. Обширная семантика данного слова обусловила его применение в отношении не только трудящегося лица (Cato. De agri cultura, 5.1.19 и др.), но также коррумпированных магистратов (Cic. Verr. 6.54 и др.) и даже богов. Вопреки встречающемуся в литературе мнению, термин *mercennarius* обозначал как трудящихся рабов, так и свободных лиц, что сближает его с термином *persona* в возможности охватить лиц с различным правовым статусом.

3. Данное обстоятельство связано с тем, что на протяжении всего исследуемого нами исторического периода древнеримская экономика основывалась на кооперации рабского и свободного наёмного труда. Это подтверждают источники, демонстрирующие различные области, в которых использовался труд меркеннария. В некоторых из них рабочая функция работника ещё не специализирована (Cato, De agri cultura. 4.2; Varro, De re rustica, 1.17), тогда как в других содержится упоминание о конкретном роде занятий (Cornelius Nepos, Eumenes, 1.5; CIL II, n. 5181 и др.). При этом большинство изученных источников не дают четкого указания на правовой статус наёмного работника.

4. Негативное отношение к наёмному труду, встречающееся у республиканских писателей (Cic. De officiis, 1.150), напротив, оказало незначительное влияние на содержание правового статуса наёмного работника. Такое отношение не было всеобщим как в предшествующие, так и в последующие эпохи. В древнегреческих (Thykid. II 40 и др.) и латинских литературных

памятниках (Virg. Georg. 1.145-146 и др.) подчеркивается социальная значимость трудовой деятельности, а исследования эпиграфических данных позволяют судить о позитивной оценке собственного труда самими работниками.

5. Римские юристы стремились зафиксировать пограничное положение наёмного работника в предклассическом римском праве через его умозрительное, а не реальное вхождение в состав семьи нанимателя (D.43.16.1.18,20). Это влекло определенные особенности трудовых отношений, которые не исчерпывались выполнением конкретной работы. С одной стороны, они выражаются в юрисдикции главы семьи над нанятым лицом при совершении последним кражи (D.47.2.90.pr.) и его возможности удерживать через работника сервитут (D.8.6.20.pr.). С другой стороны, сам наниматель отвечал перед третьими лицами за действия, совершенные его работником (D.43.16.1.pr.). С подчиненным характером трудовых отношений были связаны и пределы ответственности работника. С учетом того, что именно наниматель определял порядок выполнения работы, на него переходил риск невозможности её выполнения (D.19.2.38.pr.).

6. В классический период римского права происходят значительные экономические и социальные трансформации, которые изменили облик древнеримского общества и в значительной степени ослабили прежние иерархические связи. В связи с этим формируется представление о независимом наёмном работнике, уже не связанным с семьей нанимателя, отношения с которым имеют не подчинительный, но формально равный характер. Данное обстоятельство было подготовлено и развитием представления о работе как об объекте правоотношения, имеющем четкие временные пределы в будущем (D.7.7.1). Ввиду этого происходит отделение личности работника от объекта найма труда. Полноправность его правового статуса влекла и повышенный стандарт за неисполнение обязательств. В классический период римского права стандарт вины работника разрабатывается с учетом его профессиональных качеств (D. 19.2.9.5), а также обязательства по сохранности переданной для выполнения работы вещи (D. 19.2.13.5).

Теоретическая значимость исследования состоит в обогащении юридической дискуссии в области истории частного права и вносит вклад в цивилистическое понимание основ трудового права. **Практическая значимость** заключается в возможности использовать сделанные выводы в преподавательской деятельности при ведении семинаров по римскому праву, истории государства и права зарубежных стран, трудовому праву.

Апробация результатов исследования была произведена за счет выступления с докладом ««Развитие отношений по оказанию услуг в предклассический и классический периоды римского права» на Совместном заседании кафедры обязательственного права и отдела договорного права ФГБНУ «Исследовательский центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ» по теме: «Возмездное оказание услуг: самостоятельный договорный тип?», состоявшемся 11.11.2022; с докладом «Ответственность наемного работника в исторической перспективе» на IX Общероссийском юридическом форуме в г. Уфа 30.11.2023. Помимо этого было подготовлено три публикации в журнале ВАК⁴³, а также в журнале из списка ВШЭ, учитываемого при оценке публикационной активности⁴⁴.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** к диссертации отражена актуальность ее темы, степень ее разработанности, обозначены предмет, цель и задачи исследования, определены объект, методология и методы исследования, обосновывается научная новизна, представляются основные положения, выносимые на защиту, а также указываются сведения об апробации исследования.

В **первой главе** раскрывается взаимосвязь латинского термина *mercennarius*, обозначавшего наёмного работника, с древнеримским правом лиц.

⁴³ Пестов М.М. Развитие правоотношения об оказании услуг в предклассическом римском праве // Вестник гражданского права. № 1. 2023. С. 215 – 256; Пестов М.М. Предпосылки появления и значение понятия лица в римской юриспруденции классического периода // Вестник гражданского права. № 3. 2023. С. 258 – 286.

⁴⁴ Пестов М.М. Ответственность услугодателя в классический период римского права // Теоретическая и прикладная юриспруденция». № 2. 2023. С. 39 – 47.

В параграфе 1.1. раскрывается формирование понятия *persona* в римской юриспруденции. Упомянутый термин берет свое начало в античной драматургии и риторике. В то время как в древнеримских баснях и комедиях *persona* в прямом смысле обозначает театральную маску, в риторических сочинениях она обретает более абстрактные черты, приближаясь к современному обозначению всякого действующего субъекта. Похожее понимание термина *persona* было заимствовано древнеримскими юристами во II столетии н.э., что совпало с развитием систематизаторской деятельности. Так, в Институциях Гая *persona* является родовой категорией, объединяющей под собою как свободного человека, так и раба. В этом следует видеть не отражение гуманистических убеждений юриста, но особенность юридического мышления, способного рассматривать субъекта права вне рамок конкретных обстоятельств. Данная особенность соответствует образному представлению о театральной сцене, на которой выступают актеры, воспринимаемые с учетом черт их маски, а не их собственных качеств. Внеситуативное восприятие лица расширяет возможности интуитивного познания римских юристов, благодаря чему признается, что отдельный субъект может нести на себе сразу несколько *persona* принадлежащих другим субъектам. Динамичность *persona*, проявляющаяся при переходе из одного состояния в другое, стимулирует к выработке дополнительных терминов. Так появляются известное определение «*capitis deminutio*» и понятия вроде «*condicio*» и «*status*», выражающие статическое состояние *persona* вне рамок заданного казуса.

В параграфе 1.2. объясняется значение общего понятия *persona* для понимания наёмного работника как субъекта древнеримского права. Древнеримские источники содержат упоминания о многочисленных специализированных работниках, но на обозначение наёмного работника без привязки к его специальности могут претендовать лишь несколько терминов. Чаще всего древнеримские юристы использовали для обозначения наёмного работника термин *mercennarius*. Данный термин изначально использовался в качестве прилагательного, а чуть позже и в качестве существительного, буквально означая лицо, чья роль как субъекта права определяется получением вознаграждения

(*merces*). В связи с этим в литературе долгое время обсуждался вопрос, кем является *mercennarius*: свободным или подневольным наёмным работником. Альфонс Бюрге полагал, что данным термином было принято обозначать чужого раба, сдаваемого в аренду другому лицу. При этом ученый не исключал, что иногда термин *mercennarius* использовался для обозначения наёмного работника, но гораздо реже и лишь при сравнении с рабом. Напротив, Козима Мёллер считала, что из проанализированных её оппонентом источников следует, что *mercennarius* чаще всего являлся свободным наёмным работником. Из проанализированных источников следует, что данный термин применялся как для обозначения свободного наёмного работника, так и раба. Данная особенность подчеркивает родо-видовую взаимосвязь с более общим термином *persona*, их общую функцию, заключающуюся в обозначении всякого лица вне рамок заданного казуса. При этом можно предположить, что как и в случае со всяким субъектом права *status* наёмного работника определяется его местом в древнеримском социуме. Это требует обращения к неюридическим источникам для раскрытия общественного положения наёмного работника.

Во **второй главе** диссертации раскрывается общественное положение наёмного работника с учетом его экономической роли и этических воззрений на наёмный труд.

В **параграфе 2.1** приводятся источники, указывающие на место наёмного работника в древнеримском хозяйстве. Одним из наиболее ранних источников является трактат Марка Порция Катона «*De agri cultura*», где содержатся упоминания о неспециализированном наёмном работнике, выполняющем различные поручения наряду с рабами, принадлежащими нанимателю (*De agri cultura* 1.3, 4.2, 144-145). Текст не позволяет установить, о ком именно идёт речь, что позволяет говорить о том, что таким работником мог быть как чужой раб, так и свободное лицо. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении текста Варрона, в котором он перечисляет, кем возделываются земли (*De re rustica* 1.17). Однако из других текстов, где правовой статус наёмного работника более очевиден, можно заключить, что на протяжении различных исторических эпох свободный

человек трудился бок о бок с рабом, выполняя при этом не только неопределенную, но и конкретную специализированную работу. Так, например, оба они могли быть управляющими в поместье (Col., *De re rustica*. 1.12), писарями у частного лица или на государственной службе (Corn. Nep., *Eumenes*, 1.5), каменоломщиками (CIL II, n. 5181) или, наконец, погонщиками мулов (Fest., *De verborum significatione* 258.63-65; CIL IV, n. 97; CIL IV, n. 113). Это позволяет заключить, что особенности древнеримского хозяйства могли обусловить сближение наёмного работника с рабом в глазах римских юристов.

В параграфе 2.2. делается противоположный вывод в отношении этических воззрений на наёмный труд. Отмеченная у Корнелия Непота пренебрежение к наёмному труду у современных ему римлян находит подтверждение у Цицерона в его оценке промысла рабочих как грязного и несвободного (*De officiis*, 1.150). Тем не менее, анализ текстов, как самого Цицерона, так и других авторов показывает, что мнение древнеримского ритора не являлось общепринятым в пространственной и временной перспективах. Так, например, уже памятники древнегреческой литературы показывают, что во времена Гомера (*Od.* XVIII 366–372) и Гесиода трудолюбие считалось благородным и необходимым качеством, ибо от него напрямую зависело существование человека. Ситуация начинает меняться приблизительно к V в. до н.э., когда происходит имущественное расслоение при сохранении демократических начал управления в отдельных древнегреческих полисах, что вызывало недовольство более состоятельных граждан. Мы видим свидетельства пренебрежительного отношения к торговцам и наёмным работникам у Геродота (*Hdt.* II 167), однако политика Перикла (*Thykid.* II 40) и Солона (*Plut. Sol.* 23) наоборот была направлена на привитие к афинским гражданам трудолюбия и выделение за счет этого качества афинян на фоне других древнегреческих полисов. Здесь наблюдается закономерность, с которой отношение к наёмному труду входит в зависимость от политического режима в конкретном полисе. Чем он более олигархичен, тем более низко оцениваются люди, живущие физическим трудом. Подобная закономерность наблюдается и в сочинениях древнегреческих философов. Если Платон и Аристотель отводили ремесленникам

весьма низкое место в социальной иерархии, то Антисфен утверждал, что труд есть благо. Кроме того, ряд эпиграфических памятников показывает, что многие ремесленники Древних Афин испытывали гордость за результаты своего труда, отмечая свое имя на сделанных ими вещах.

Что касается самого Цицерона, то и он колебался в оценке возмездного труда. Из анализа его сочинений и тех авторов, которые могли на него повлиять, можно заключить, что наёмные работники стояли далеко не ниже тех, чей промысел ритор относил к числу *artes illiberales*. Осуждение их труда связано не с тем, что они преследовали извлечение заработка. То же самое делали крупные морские торговцы, которых Цицерон скорее склонен хвалить, чем порицать (*De officiis* 1.151). Скорее, это обусловлено подчинительной связью, возникающей между нанимателем и наёмным работником, которую ритор уподобляет соглашению о рабстве (*auctoramentum servitutis*), имея в виду под этим то, что для наёмного работника главнее становятся интересы частного лица, чем интересы всего общества. В то же время Цицерон признавал за всякой человеческой деятельностью общее начало, считая, что как безвозмездный, так и возмездный обмен благами подчинены идее об общем благе (*communis utilitas*), на которой основано все сообщество людей (*De officiis* 1.7.22).

При этом получившее широкое распространение в последующие столетия христианство заключало в себе позитивное отношение к наёмному труду, порицая при этом праздность и лень. Извлечение дохода осуждалось не само по себе, но в связи с использованием полученной прибыли на противоречащие христианским заповедям цели. С этим же связано и порицание ряда занятий, вроде несения воинской или государственной службы. Всё это происходит на фоне экономического роста, сопутствовавшего первым столетиям существования Римской империи. Особенно ярко это проявляется на примере дошедших до нас эпиграфических памятников, в которых древнеримские ремесленники, точно так же, как и их предшественники в Древних Афинах, не стеснялись обозначать род своей деятельности. Всё это позволяет говорить о том, что если этические воззрения, бытовавшие в эпоху Цицерона и могли оказать влияние на правовое

положение наёмного работника, то в гораздо меньшей степени, чем объективные условия задействия свободного и подневольного наёмного труда.

В **третьей главе** раскрываются особенности правового положения наёмного работника в предклассическом и классическом римском праве с учетом сделанных ранее выводов.

В **параграфе 3.1** правовое положение наёмного работника реконструируется с учетом воззрений, сложившихся у римских юристов в период Римской республики. Опосредованное указание на различие во взглядах классических юристов и их предшественников обнаруживается в комментарии Ульпиана в отношении услуг землемера, которые, как полагали его предшественники, не могли оказываться по договору *locatio-conductio*. Ответив на вопрос, почему с землемером ранее не заключалось соглашение о найме, можно обозначить особенности правового положения работника, сформировавшиеся в Римской республике. Одно из них заключается в том, что работник в отличие от землемера входил на некоторое время в дом своего нанимателя и становился членом его семьи, занимая положение раба. Следствием этого являлось то, что наниматель отвечал за его действия по рекуператорному интердикту (D.43.16.1.20). Данное положение указывает на умаление правового статуса наёмного работника, которое, однако, происходило по его собственной воле (Pauli sententiae 2.18.1). Второй особенностью была принципиальная возмездность наёмного труда в отличие от ряда других услуг, оказывавшихся на безвозмездной основе по договору поручения (*mandatum*) ввиду особых древнеримских представлений о дружбе, имевших юридическое значение (Cic., Lael. De amicitia, 51). Пребывание в составе *familia* нанимателя влекли и особые правила, касающиеся ответственности наёмного работника. С одной стороны, наниматель обладал юрисдикцией над наёмным работником в случае совершения последним кражи. С другой стороны, на нанимателя переходил риск в случае невозможности исполнения обязательства по предоставлению работы.

В **параграфе 3.2** раскрываются особенности правового положения наёмного работника в классический период римского права. Данные особенности

связываются с изменениями, произошедшими в древнеримском обществе в период Принципата, когда юридически оформляемая социальная иерархия была заменена системой формальных связей между независимыми друг от друга субъектами. В этой связи изменились и отношения по оказанию услуг. Наёмный работник приобрел большую независимость от нанимателя в возможности выполнять работу без его руководства. В то же время увеличилась и его ответственность за качество выполняемой работы. Появляется особый критерий вины, связанный с нарушением обязательства ввиду неопытности работника (*imperitia*). Последний начинает рассматриваться в качестве профессионала, с чем и связано повышение ответственности. При этом ответственность касается не только исполнения порученных работ, но и сохранности вещей, вверенных для выполнения работы (*custodia*). Данное основание ответственности имело объективный характер, для констатации его нарушения было достаточно порчи или уничтожения вверенной вещи независимо от приложенных усилий работника.

ПУБЛИКАЦИИ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Публикации в изданиях, входящих в перечень рекомендованных журналов НИУ ВШЭ (Список В и D):

1. Пестов М.М. Ответственность услугодателя в классический период римского права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. № 2. 2023. С. 39-47.
2. Пестов М.М. Предпосылки появления и значение понятия лица в римской юриспруденции классического периода // Вестник гражданского права. № 3. 2023. С. 258-286.
3. Пестов М.М. Развитие правоотношения об оказании услуг в предклассическом римском праве // Вестник гражданского права. № 1. 2023. С. 215-256.